

В небе над Москвой

В воскресенье, 24 июня, на Тушинском аэродроме, под Москвой, состоится большой авиационный праздник в честь Дня Воздушного флота СССР.

Участники праздника увидят в небе и пилотов военной авиации. В программу включен, в частности, индивидуальный и групповой полеты на реактивных самолетах.

Много раз уже наблюдали москвичи эти машины во время их репетиционных полетов.

В эти дни в московском небе нередко можно услышать и необычные звуки, подобные взрывам. Вот что рассказал о них корреспонденту «Литературной газеты» профессор, доктор технических наук Г. Поковский:

Все чаще появляются в нашем небе реактивные самолеты, летящие быстрее звука, то есть со скоростью, превышающей 1 200 километров в час.

Если самолет летит медленнее звука, то идущие от него звуковые волны доходят до поверхности земли постепенно и слышны в виде гула или свиста в течение более или менее длительного времени.

Если же самолет идет быстрее звука, то все звуковые волны, вызванные его движением, складываются вместе и образуют одну мощную волну, расходящуюся во все стороны в виде конуса, в вершине которого находится самолет.

Эта волна очень сильна и еще более усиливается, если за самолетом возникает полоска тумана. Доходя до поверхности земли, такая волна, называемая баллистической, производит сильный удар.

Баллистическая волна звуковых самолетов представляет собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

Баллистические волны звуковых самолетов представляют собою сильное и явное выражение физического явления, изучение которого даст возможность дальнейшего развития авиационной техники.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 72 (3573)

Вторник, 19 июня 1956 г.

Цена 40 коп.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Радости и огорчения Йоханнеса Хирва

Федор ЭЙНБАУМ

Пожилой широкоплечий человек в рабочей спецовке идет воскресным утром по угодьям колхоза «Ус Злу».

Впереди за чертой посеюв, на полоске ржавой болотной земли, — группа колхозниц. Они заготавливают торфяную подстилку для животноводческих ферм.

Спорится, энергичные взамах черенками наточенных лопат, натертых до блеска рукоятей вид — и бархатистые рыжеватые комки торфа ложатся рядами на просушитель. Картина оживленная, тысячи раз виденная. Но приезжий из города почему-то приставляется. Внимательно, с обостренным интересом следит он за сверкающей кривой спущенных в воздухе лопат и вил.

«Почему, собственно, подстилка торф нарезают до сих пор вручную? — размышляет он. — Мелочь? Ведь потребность в подстилке для животноводческих ферм Эстонии огромная, а добыча ее вручную — трудоемкое, капитальное дело! А что, если попробовать соорудить машину... Рама с дисковыми острыми лопатками для продольной резки торфа. Да, надо хорошенько подумать, рассчитать...»

И через месяц-другой — разговор. Обычный, буднично деловой разговор, но такой живой и страстный по своей сути. В одном из кабинетов заводоуправления Таллинского ремонтного завода сельхозмашин склонились над чертежными набросками двое — знакомый нам скучающий человек с острым прищуром глаз и главный инженер завода.

«Что ж, товарищ Хирв, вас можно поздравить с удачной поездкой в наш подшефный колхоз! — улыбается инженер. — Идея стоящая! Механизация добычи подстилочного материала для ферм — отстоящий участок. Записываю новую заявку: «Комбайн для резки подстилочного торфа»».

Рабочий-инструментальщик Йоханнес Хирв, предложивший первые чертежи торфорезного комбайна, — давний практик-изобретатель, каких немало в Советской Эстонии. Помнит, прошлой осенью на республиканской выставке, где демонстрировались сельскохозяйственные машины, много посетителей теннисиса возле экспонатов — образцов творчества эстонских механизаторов. Молодой тракторист Лухуулааской МТС тов. Осим сконструировал навесной валопогружник. Техник-нормировщик Йирву-Итууаской МТС Йоханнес Мариуус разработал совместно с механиком-комбайнером Сергеем Гусевым автоматический подъемник комбайна «С-4», облегчающий хелер от ударов о камни. Более сорока изобретений и приношений демонстрировалось на выставке.

В те дни, когда пестрый поток гостей двинулся по зеленому полю выставки, я услышал много отдаленно о незурявских работах Йоханнеса Хирва. В многоэтажном серокаменном особняке Министерства сельского хозяйства республики рассказали мне о больших трудностях добычи подстилочного торфа для колхозных ферм.

«Как думать выйти из положения? Поможет комбайн Хирв, — уверенно заявили сотрудники министерства. — Большие надежды возлагаем на этот оригинальный, создающийся по заказу министерства агрегат. Автор работает уже над опытным образцом. Приезжайте весной и увидите первый комбайн для добычи подстилочного торфа в натуре».

Меня, писателя, восторгившего в блогах записи о новинках комплексной механизации процессов сельского хозяйства, заинтересовало это сообщение. В тот же день я побывал на заводе, где работает Йоханнес Хирв.

Рабочий-изобретатель, почти два года посвятивший обработке узлов конструкции, с понятием радостью говорил о первых испытаниях. Они показали высокую эффективность агрегата: за восемь часов работы — 40 тысяч кубометров нарезанной стандартной подстилки, головная потребность среднего колхоза! А стоимость затопленного кубометра — меньше 10 копеек!

«Теперь труднее над облегчением леса, упрощением машины... — уверенно повторил он, поглаживая чертежи узла».

институту. Почему-то никто не стал нужным облегчить поиски талантливого самоучки и, предоставив ему необходимые чертежи, литературу.

Таллинский ремонтный завод — небольшое, скромное предприятие. Между тем сам заказчик комбайна — Министерство сельского хозяйства ЭССР лишь формально выдало в затруднении автору, предоставляя ему доводить чертежи, что называется, на свой страх и риск. Странно и удивительно: неужели в течение двух лет транспортера с изобретениями краями... Я спросил у производящего мне рабоче: тот ли это агрегат, что должен по плану выйти на торфяные поля?

«Он. Только наряд на вылет из ворот — заезд где-то там... в дебрях канализаций... — досадливо махнул он в сторону рукой».

Сам Йоханнес Хирв, создатель торфорезного комбайна, столь увлеченно рассказывавший осенью о своем детище, встретил меня без подъема. Дымка горечи, хмурая недовольства похмурилась мне в его глазах. Маниламина перебирала какие-то бумаги в пухлой канцелярской папке, смотрел он на окна на заброшенную машину, громогласную среди дававших ржавых деталей.

«Нет, не удалось к весне выпустить комбайн из цеха! — невесело сообщил он. — Много огорчений пришлось, знаете ли, пережить с этой всеми ожидаемой машиной! И дело, мне кажется, не в отдаленных ее недостатках, а совсем в другом...»

О том, что я услышал от Йоханнеса Хирва, и хочется мне рассказать.

Больше двух лет прошло с тех пор, как Хирв пожелал на стол главного инженера свои первые чертежные наброски. И вначале — обидные, сочувственные письма, поддержка. Из Министерства сельского хозяйства ЭССР шли настойчивые запросы: «Когда будут готовы чертежи? Какой срок изготовления опытного образца нужной республике машины?». Из отдела по изобретательству и рационализации Министерства сельского хозяйства СССР — торжественный наказ: составить смету, всячески поддержать!

Но вот наступил ответственный период доводки рабочих чертежей до законченной конструкции. Общеизвестно, что даже в больших конструкторских бюро, где целый коллектив создает новинку машиностроения, первое условие успеха — внимание к нуждам изобретателя во всех стадиях проектирования. Как же отнеслись к усилиям изобретателя-самоучки, трудившегося в негнетной обстановке — в шумном цехе, урывками дома в часы досуга, без справочников? Очень отрицательно: вместо содействия и ободрения, Хирв встретился с непреодолимой преградой из бюрократических проволочек и каменного равнодушия к судьбе изобретения.

Одно из предложенных в проекте комбайна устройств — барабан с ножами для поперечной резки полос торфа. При холостом вращении барабана лезвия выстулали из прорезей нижней его части, а затем притупили, чтобы не мешать сбросу кирпичей на ленту транспортера. Идея не новая, известная в патентной литературе по чертежам много названного машин. Хирв, решая самостоятельно отдельные устройства своего комбайна, был горячо заинтересован в том, чтобы получить чертежи, творчески использовать готовые, проверенные узлы близких к его комбайну машин. Вель современное проектирование немалым без учета уже существующих достижений науки и техники. Вместе с авторской заявкой послал он в отдел по изобретательству союзного министерства письмо, в котором просил срочно выслать чертежи не осуществленного в натуре агрегата, по идее с его устройством торфорезного барабана с радиально установленными ножами.

В ответ — ни звука. Тщетно обращался Хирв за помощью в республиканские организации и научно-исследовательские

ми отцами. С обычной многомесячной, нужной волокитой создавался опытный экземпляр агрегата. Наконец, серийный выпуск агрегата поручили Таллинскому машиностроительному заводу. Несмотря на энергичные запросы из МТС, в минувшем году не вышло из цехов завода ни одного экземпляра агрегата. Осенью на республиканской выставке демонстрировалось прекрасное приспособление для защиты тракторного плуга от поврежденной при наезде на камни. Таких камнезащитных установок нужных тысяч — сделаны к весне только три. Нет в МТС и машины для прогрузки и разгрузки торфа и вагонов. Тогдами поутрачены шумные разговоры о создании тракторных погружающих лопат, о производстве саморазгружающихся тракторных прицепов, но их нет даже в стадии разработки!»

«Одна из больших бед — отсутствие узла, общих координированных усилий в продвижении талантливых работ механизаторов, — откровенно признается в министерстве. — Поступило, скажем, срочное предложение. Образец — небольшая модель, часто изготовленная из подручных материалов, разработка чертежей — в самом первичном виде. Где совершенствовать чертежи, проектировать, испытывать? Нет здесь нужной экспериментальной базы. В секторе механизации Института растениеводства — непригодные, старые мастерские, перегруженные неотложными работами».

Глаза на кипу не осуществленных еще чертежей, на пестрые изыски модели безудачных нужных машин, джапане в распечатанных ящиках, я думал еще и о другом — о торжественных издержках, бесконечных полах Йоханнеса Хирва, быть может, зря проведенных за чертежной доской. Не оттолкнул ли порой от дела эти ведомственные неужайки человека нужного, стратегического, увлеченного горячим творчеством? Как избежать этого? В чем «секрет», подмигивающий ларинтовому изобретателю-практику на новые дела?»

Я размышлял над всем этим, сидя в гостях у Йоханнеса Хирва. С прежним молодым увлечением рассказывал он о последних своих работах. Крепкий, жизнерадостный человек с детскими, неутомимыми руками рабочего и инженера отнюдь не выдался надломленным невзгодами, неудачами. Маленький коллектив завода, где работает Хирв, сумел заботливо поддержать, оценить его звание, его золотые руки самоучки-умельца. Работал над смежными чертежами комбайна, рос и о нем, вооружаясь теорией, техническими навыками. Неужели, что простому рабочему доверили теперь ответственную работу? Хирв — ныне главный конструктор, руководитель технического отдела Таллинского ремонтного завода сельхозмашин.

«Знаете, что лучше всего поддерживает нас, практиков? — сказал Йоханнес Хирв, как бы подтолкнув пройденный, полный радостей и огорчений путь. — Ободрение, поддержка делом, а не словом! Были в буржуазное время в Эстонии великие неслыханные, страшные: конкуренция, безработица, беспомощность. А теперь... Газета не от нас самих эти записки — стоит ли краснеть, машина точно в сжатые сроки? — улыбнулся он доброй, теплой улыбкой, и в глазах его мелькнуло привычное выражение зоркой приглядки. — Объявлен республиканский конкурс на новый тип комбайна для резки торфа. Думаете, сам я не буду участвовать в нем? Обязательно буду! Но если меня попросят выехать в мастерские МТС на поля помочь другим изобретателям, выехать, разумеется, по первому зову. Самое дорогое — общая заинтересованность, инициатива, душа в деле, слаженная дружба в работе на пользу родной колхозной деревни!»

Я смотрел на скромного пожилого эстонца, олегого в серый рабочий комбинезон, на его умные, трудовые руки с синими натруженными венами, лежащие на еще не протертых чертежах, и мне хотелось от всей души пожать эти руки.

ГОРЬКОВСКИЕ ВЕЧЕРА

По всей стране прошли вечера, лекции, беседы, посвященные творчеству А. М. Горького. Многолюдно было в местах, связанных с его жизнью и творчеством.

Большой вечер состоялся 16 июня в Центральном доме литераторов в Москве, где собрались писатели, члены литературных объединений, родные Алексея Максимовича, особенно много было молодежи.

Открывая вечер, В. Катаев сказал, что творчество А. М. Горького в течение столетий будет оставаться на вооружении нашего народа. Б. Бликхарактеризовал основные этапы творчества А. М. Горького. Затем с воспоминаниями выступил П. Антокольский, который рассказал о первом чтении «Гора Бульчова» в Театре имени Евг. Вахтангова и о постановке этой пьесы.

Англообразное и прекрасное творчество Горького было представлено в большом концерте. Артисты московских театров показали сцены из пьес «На дне» и «Егор Булычов и другие», инсценировки «Елкаш» и «Стрелки-Мордасты», были прочитаны отрывки из романа «Мать» и «Сказок об Италии», исполнены бурлескные песни, записанные с напева Алексея Максимовича.

Вечера, посвященные творчеству великого русского писателя, состоялись в Горьком, Баку, Кизиле, Ташкенте, Куйбышеве и других городах страны.

Телепередачи через Каспийское море

БАКУ (Наш корр.). Недавно в Красноводске появились первые телепередачи. Они состояли из нескольких кинофильмов и концертную программу, передававшиеся из Баку.

Между Баку и Красноводском по прямой 270 километров, что в три раза превышает радиус действия Бакинско-Каспийского центра. Немало усилий приложила группа красноводских инженеров, чтобы преодолеть это препятствие. Была, в частности, изготовлена специальная антенна, которую установили на одной из высот под Красноводском.

Бакинский телецентр еще не вступил в строй действующих, он ведет пока пробные передачи. Передающей антенной служит приспособленная для этой цели нефтяная вышка, расположенная в наиболее возвышенной части города. Сейчас сооружается специальная металлическая мачта высотой в 180 метров, почти такое же расстояние отделяет ее основание от уровня моря. С вводом в эксплуатацию этой мачты еще больше увеличится радиус действия телецентра, улучшится качество передач, принимающихся в Красноводске и других отдаленных пунктах.

Стихи югославских поэтов

Современная югославская поэзия богата и разнообразна. В ней представлены поэты различных творческих направлений. Публикуемая нами сегодня подборка стихотворений знакомит советских читателей с творчеством некоторых югославских поэтов, широко известных у себя на родине.

Йован Попович (1905—1952 г.) — один из основоположников новой, демократической югославской поэзии, участник героической борьбы против гитлеровских захватчиков, за освобождение своей родины. Мы публикуем отрывки из его поэмы «Солнце в руках», вошедшей в сборник «Избранное» (1953 г.).

Душан Костич (родился в 1917 г.) — автор ряда сборников стихов: «Любовий земля», «Горит земля» и других. Стихотворение «Мальчик на камне» опубликовано в мае текущего года в газете «Ворба».

Добраша Цесарич (родился в 1902 г.) — автор ряда сборников стихов, составитель и переводчик книги «Избранная мировая лирика». Стихотворение «Иван рассказывает» опубликовано в альманахе «Поэзия и проза 1954 г.».

Ацо Шопов (родился в 1923 г.) пишет на македонском языке, редактирует журнал «Современность». Стихотворение «В тишине» взято из альманаха «Поэзия и проза 1954 года».

Десанка Максимович (родилась в 1898 г.) — выдающаяся югославская поэтесса; ее перу принадлежат около 10 книг стихов, несколько романов, произведений для детей.

Йован ПОПОВИЧ СОЛНЦЕ В РУКАХ

В глубине замурованы в мрачной утробе земли, Слитки солнца ждут руку, Что им принесет пробуждение. И лежат, Цепenea, В гробу вековом — Неподвижность, которая равется в движении.

Приложи свое ухо к земле, Что в ней бьется! Это — мертвых сердца? Или наши, с землей слитые? Слышишь клич? Он из сердца земли раздается — Сквозь оковы, Сквозь грохот, Сквозь толщи гранитные: «Жду — раскрой мои недра, Размахнись! Замахнись! Цепи сна разорви! Эй! Чтб сверкать! И сиять! И покоя не знать, Новой силой играть своей!»

Наши мускулы — тысячи рычагов, Все, что дремлет, — вызовом к жизни, Размахнемся, пробудим для великих трудов Богатырские силы нашей отчизны. Перевел с сербо-хорватского В. СТЕПАНОВ

Душан КОСТИЧ МАЛЬЧИК НА КАМНЕ

Я его не найду, Не узнаю тот камень, Все забыто, А были — голубые глаза, в них — холодное небо, Голубые глаза возле камня, на камне, И дельека мне неизвестная женщина. Ты, Он не твой и не мой, Он был наш, Мы нашли его.

Грохотали над нами, стальные, тяжелые, Прилетевшие с веток холодного и темного неба, Превращающего в камень на веки веков, Все — и звезды из камня, и лже из камня, и травы из камня, И мальчик, мертвый мальчик, уснувший, как камень. Он не твой и не мой, Мы нашли его там одного, Безымяного.

И без нежных ладоней, прижатых к лицу, Может быть, он связной. От страданий и свободы. Через сумрак лесов, Перехваченный смертью, ее желтым оскалом, в полдень, В самом начале пути. Нерасцветший. Не забыли! Мы встретились там и застыли, Между нами был мальчик, Которого не было больше. Только мы, и его голубые глаза, Волосенки в крови и холодное небо без красок.

Добраша ЦЕСАРИЧ

На этой поляне, в траве, Я много часов пролежал, Смотрел беззаботно вдаль И колос в зубах держал. Бегут облака, облака, Я взглядом за ними следил.

Ацо ШОПОВ В ТИШИНЕ

Если что-то не может облечься в слова, Жжет и на душу тяжело жалеет, Спречь на дно тишины, и сама тишина Все об этом рассказывает.

В ней на грусть и на радость таится намек, Тишина — это, чтобы остыть и согреться, Это — мысли и чувства неделимый поток, Омывающий разум и сердце.

С македонского Перевел Н. РАЗТОВОРОВ

Десанка МАКСИМОВИЧ СПУТНИЦА

Спутница вместе со мною проходит ущельем, Слышу кругом лишь серебряный шепот воды, Кажется, пастухок свядьба несутся с весельем И на рассвете пелечут ключи молодые.

Голос ее раздается из многих горных, Но отговору по-разному ясно звучит он, Кажется мне, то колосья шумят на полях, То засмеялась волна, обнимая граниты.

Только она, моя спутница, — сердце живое, С нею встречаюсь я снова, и снова, и снова, Только она, неотступная, ходит за мною И отзывается сразу на каждое слово.

И иногда она слушает шепоты бора, Знает, о чем он шепчет, глубока и безлюдный: Вот перестала шуметь, наугад на горы, И онемели уста ее горько и трудно.

Если же мира корабль направляется в пристань Леса ночного, лишь спутница эта со мною. Темное око ее и прозрачно и чисто. Ищет она моих взоров своей глубиной. Перевела с сербо-хорватского Надежда ПАВЛОВИЧ

Иван РАССКАЗЫВАЕТ

Потом закрывал глаза И в собственный мир уходил. Ветер качал стебельки, Пыль ласкалась к цветам, Кузнечики пели в траве: Много нас было там.

Над нами — небесный свод И солнце — пятном золотым, Не этой поляне, в траве, Я был молодым-молодым. С сербо-хорватского

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДРАМАТУРГА

Заканчивается театральный сезон. Еще несколько дней, и московские театры разведутся по многочисленным городам нашей страны. Чем же интересен был этот сезон? Какие можно вывести уроки на будущее? Успели ли наши театры и драматурги преодолеть ту холодность и равнодушие публики, которыми ознаменовались последние месяцы театрального года?

Сезон начался вяло: драматурги все еще задерживали работы, которых уже ждали театры; режиссеры и актеры больше выступали в печати со статьями об искусстве, чем о театре. А на сцене в это время шли старые спектакли или некоторые новые, сильно похожие на старые, в которых не было и намека на большие мысли и чувства.

Правда, к началу сезона в различных списках значилось свыше 100 названий новых пьес. Среди них было несколько интересных произведений. Но можно ли сказать, что у театров был большой, интересный выбор, что они могли сделать свой репертуар многообразным, увлекательным, идейно и художественно значительным? К сожалению, далеко не за каждым названием новой пьесы стояла действительно большая и содержательная жизнь.

Некоторые глубоко омыслившие серьезные явления жизни, поднявшие выше первых, поверхностных впечатлений привлекло к разностороннему однообразию, к драматургическому шаблону. Не случайно же среди новых пьес подавляющее большинство было посвящено узко личным отношениям, «комнатным» проблемам. Да, герои таких пьес скорее походили на интеллигентов старых времен, чем на нового, советского человека. Декларировалось, что в пьесах «Суд матерей» Е. Феличевой, «Дни рождения» Д. Штеглова, «В тихом переулке» А. Мокшона, «Золотые листья» В. Соболя и некоторых других речь идет о быте наших людей. Но, к сожалению, быт в них часто смешивался с бытовщиной, с натуралистическим, молящим изображением жизни.

На 117 пьес, написанных в 1955 и в начале 1956 года, советским рабочим посвящено всего 6, около 15 пьес — жизни современной деревни. Как правило, большинство новых пьес охватывает лишь узкий круг проблем. К тому же решаются эти проблемы стандартно, как рассказ о морально разложившемся человеке, которого все долго и упорно перевоспитывают, по чьей ушерности, вынужденной яркой и убедительной, противостоит лишь «правильные» тирады воспитателей.

Скудность репертуара некоторых театров пыталась восполнить инсценировками произведений классической и современной прозы, в большинстве случаев сделанными главными режиссерами, актерами, даже директорами театров. Многие из этих инсценировок оказались очень слабыми по своим художественным достоинствам.

Кто же сейчас реально работает для театра?

В Московской секции драматургов числится, например, около 150 человек, а по существу, репертуар московских театров создается двумя-тремя десятками авторов.

Редко стал выступать в драматургии К. Симонов, В. Лавренев после «За тех, кто в море!» не дал еще театрам произведения на современную тему. Нет новой пьесы у А. Крона. Очень хорошо, что его пьеса «Второе дыхание» в новом варианте уже идет на сцене, но где же новые произведения?

В 1947 году в драматургию пришел А. Барянов со своей первой интересной пьесой «На той стороне», которая обогнала почти все театры страны. Но вот уже 1956 год, а на сцене мы не видим новых пьес Барянова. Нет новых пьес у Л. Рахманова, Б. Чиркова, Л. Славина, А. Глабова и у ряда других драматургов.

Примерно то же явление можно наблюдать и в братских республиках. В Таджикистане вошло в литературу очень мало новых драматургов, но из драматургии ушел notable С. Уауз-заде — автор одной из лучших таджикских пьес «Краснополячка». Явля, что с многотысячными перьями работают в Узбекистане Уйгуни и К. Яшев. А ведь на их произведениях рос и формировался узбекский театр. Почти не

инициативу пьес И. Мусрепов в Казахстане, С. Шапшапшвили в Грузии и другие.

Отсутствие новых пьес профессиональных драматургов снижает уровень театрального репертуара, скажется на общем состоянии театрального искусства.

Конечно, повинны в этом не только драматурги, но и Союз писателей. По поводу неудач драматургов немедленно собираются совещания, конференции, обсуждения. Но вот большого разговора о хороших пьесах, пожалуй, и не вспоминали. Министерство культуры и Союз писателей плохо помогают драматургам национальных республик, не организуют переводов лучших пьес. И зачастую хорошие произведения этих драматургов остаются только в пределах своей республики, не обогащая всеобщий репертуар.

С другой стороны, некоторые пьесы «местных» авторов, «местные» и по тематике и по своему художественному уровню, из чувства «местного» патриотизма нередко задерживаются. Синохронизация в областных газетах синхронизация продвигает мимо их недостатки.

...Павла, к концу сезона явля театральная жизнь несколько оживилась. На афишах замелькали новые названия: «Кресты над Бутом» С. Смирнова, «Деня» А. Софронова, «Забитый друг» А. Салынского, «Второе дыхание» А. Крона, «Вечное живое» В. Рогова, «Апостол» Л. Зорина, «Одичавший человек» В. Прыжкина, «Мертвый капитал» В. Соловьева и др.

Однако ни в острой по постановке вопроса пьесе С. Алейшина «Одичавший человек» ни в инсценировке романа А. Рыбакова «Екатерина Воронина» — «Одичавшая женщина», ни во многих других новых пьесах все же мы не видим большого и яркого образа нашего современника.

Репертуарный план как будто бы выполнен: спектакли, которые были намечены, поставлены, но постановки и показы они в конце сезона, когда с ними не может ознакомиться широкий зритель. Такая медлительность и драматургов и театров поначалу и спектакли конец сезона не приносит пользы ни драматургу, ни театру. Это не приносит радости и зрителю, который либо «ловит» спектакль, либо ждет его до осени.

Театрам нужно не абстрактно, а конкретно планировать свой репертуар; драматурги должны помнить, что их пьесы театр ждет к началу сезона, как знал это, например, Островский, давший свои пьесы к открытию театрального года. Благодаря этому и самый сезон становится гораздо значительнее, ярче, богаче. А когда вдруг только в самом конце сезона заговорили, заговорили с нашей сценой о долге перед семьей, о верности фронтовой дружбе, об ответственности перед нашими героями и захотели во всем этом разбираться, поразмыслить, поговорить с драматургами, режиссерами, актерами, — оказалось, что говорить уже не с кем, кто-то не видел, кто-то уехал и лучше уж «обо всем этом начать разговор осенью».

Заканчивается театральный сезон не поводом нас оптимистичными успехами. И это заставляет о многом задуматься — о творческой активности драматургов, об ответственности их перед советским зрителем, о взаимоотношениях писателя и театра и о реальном планировании репертуара.

В. ПИМЕНОВ

ПОВОРОТНИКИ КРУТЫХ МЕР

В НЕТОРОПЛИВОМ рабочем поезде, прохладном мажоркой и хлебом, я спросила спутницу о колхозных делах.

Женщина, скупой и сдержанно говорящая о делах, которых у нее четверо, вдруг выжидающе замолчала. Ее восторженное, красное от восторга лицо было болезненно сморщилось, в опущенных светлых ресницах глаз появились выражение досады и горечи.

Удивив, что я жажду ответа, она глотнула воздуха и нараспев, как бы причитая, сказала:

— Дела-то сейчас ничего, поправились, да вот от бригадира жизни нет. У нас в колхозе такая мода завелась: чуть работа потруднее — бежит с наярком к тем, за кого заступился некому. На всех кричит, оскорбляет. И слова в ответ сказать нельзя, и не вдумай жаловаться. И все кругом молчат. Считают, если ты обиженный, обиженный и будь, а нас не трогай.

Женщина с досадой махнула рукой и отерлась к окну. Рыхлая прядь волос выбилась из-под платка и издрогнулась при каждом толчке поезда. Было что-то жалкое, беспомощное в ее маленьком некрашеном лице, еще больше похолодевшим от обиды. К разговору она не возвращалась, погрузившись в свои думы.

Вскоре поезд затормозил. Женщина достала из-под лавки мешок, взошла на него и стала пробираться к выходу.

В окно я увидела, как она, тяжело шагая по ухабам, торопилась к грузовику, а затем усаживалась возле кабины, повернувшись спиной к ветру. Нырять по дорожным ухабам, машина повела мою спутницу в колхоз, который она отказалась называть.

— Зачем вам? — сказала она на прощанье. — Вы приехали и уехали, а нам здесь жить, работать...

И, может быть, ушел бы из памяти этот разговор и другие впечатления вытеснили бы образ женщины, если бы не письмо, которое и было причиной моей поездки в Середский район Ярославской области.

Письмо было написано на тонком листке голубой бумаги с узорными водяными знаками.

«Помогите мне найти правду, не откажите в помощи, — жаловалась колхозница Нина Константиновна Иванова. — Недавно приехали в колхоз «1-е Мая», где председателем Николай Александрович Перцев, неслучайно обидел меня, лишив на восемь месяцев лошади, и запретило выдавать справку для продажи продуктов. Председатель, при этом сказал: «Дали бы мне волю, я бы по-другому расправился!». А чем я заслужила такое отношение — не знаю. 20 лет работала в колхозе. Ни от каких наярков никогда не отказывалась, ни разу не была предупреждена. А то, что не пошла в тайнчики, — не было у меня к этому никакой возможности. В хозяйстве работаю одна, сын-школьник, матери моего скоро семидесять лет, а муж погиб на фронте. Теперь я не могу привезти дров, полнела у дома ярыбина, а что заработала хлеб, так им не пользуюсь: не на чем свести на мельницу».

Женщина была из разных мест и никогда, наверное, даже не видела друг друга. А говорили они об одном — о грубом нарушении демократических основ, на которых строится отношения в колхозе. Видно, это было не случайное совпадение. Мне и раньше приходилось наблюдать, что в некоторых колхозах до сих пор еще бытует старый отношения, при котором человек, мало-мальски «выбившийся» в начальство, занимается самоуправством.

Еще мне так хотелось... Может быть, к ним относится и артель «1-е Мая», думала я, добираясь до деревни Набино, где находилось правление.

События, описанные в письме, на месте вытекали так. Летом бригада плотников, поднявшаяся строить ферму, как говорят местные колхозники, «сшибала шабанин», то есть работала на стороне. Очень застала ферму недостроенной. Уже по мерзлой земле женщины должны были под столбы для электропроводки.

А потом ударили холода. Тут завесу жизни живописцев Осип Григорьевич Золотов — он же секретарь парторганизации колхоза — схватился за голову: загинули перевод скота в новое помещение. В сорокаградусный мороз пригнали коров в только что достроенную ферму, и я оставшихся в деревне Карачино телятам потребовался для ухода человек. И опять обратились к тем женщинам, которые и работе всегда были безработными, выполняли все наряды, из года в год выработывали почти по триста трудовых.

А те вдруг отказались. Может быть, впервые за все время. Не трудности испугали женщин. Все знают, что работа телятница не требует большой затраты сил, но накрепко привязаны к ферме.

— Не бросать же стариков и детей. В колхозе много молодежи, есть свободные, неработающие, которые могут успешно ухаживать за телятами, — говорили они.

— Да как вы смеете! — возмутился бригадир.

— Да кабы я не работала. Ни от какого труда не отказываюсь. Ведь мы с Ивановой все бурги обмыли в десах, всегда на самом что ни на есть трудном деле. А на ферме не могу. Есть другие. Вот Черышова — жена председателя ревизионной комиссии, сидит дома. Почему же у нее и дрова и лошади в любое время? А мне старой приходится и за дровами и везде, и старики больные, и малолеток.

— А тебе простор нужен? Конечно, с фермы не уйдешь. Из-за вас, дояркой, скот едва не погиб, — начал возмущать голос Котомин. — Злоствие нарушители. Разгильдяи, болтаются черт знает где. Так и воровито в город удрать.

— Да ведь где же и болтаюсь? Кто болтаюсь, уехали с огурцами. И председатели и бригадиры — все повезли. Теперь недели две проедят...

— Ты что тут агитацию развела? Исключи из колхоза — и все тут. Наведен порядок.

Соколова, склонив голову, быстро пошла прочь, а Котомин все никак не мог успокоиться.

— На правлении твое поведение бесуем, — кричал он ей вслед. — Приходи вечером!

Вскоре и правление начали собираться люди. Мужчины присаживались на полу поближе к двери, чтобы можно было, не выходя из комнаты, курить. Женщины чинно размещались на скамьях, тихо переговариваясь и вздыхая. Был здесь флажковый вид бригадир Голубев, на которого больше всего раздавалось жалоб. Он сидел на корточках у порога и, полузакрыв глаза, лениво выслушал дым. Пришла Никитина, жена местного агронома, тоже ленивая правлением талга за отказ от работы. Она мяла в руках какие-то справки, которыми пыталась оправдать свой отказ.

— Никитина просит лошадей. Какое дело мне на это счет? — зычно спросил Котомин, открывая заседание правления.

Кто-то из присутствовавших подал голос:

— Всегда хорошо работала и теперь не отказываюсь. Можно и помолчать.

— Высказываются только члены правления! — строго заметил Котомин и продолжал: — Раз наказали, так и просить нечего. Пусть узнает, как дисциплину нарушить. Было время, вам потакали, а теперь нам самим власть дана.

Заглушая всех, Котомин снова повторил обвинения против Никитины и высказался против «помолчанья». Он так и сказал «помолчанье», будто ему была доверена эта высокая санкция. Затем он поднял руку. Вслед за ним потянулось несколько рук. Голубев, Золотов, Футапов. Остальные не голосовали. И против не выступили. Строгое высказание Никитины оставили в силе, и никто не слушал, что говорила она о том, как неработающие получают лошадей и пользуются всеми привилегиями колхозников.

Кто информировал об освобождении от налога неработающей жены председателя колхоза Перцева, я услышала слово «самовластие». А затем вошедший в правление шофер принялся жаловаться, что его жену обложили налогом, в то время как жена бригадира Смирнова, у которой тоже двое детей, освободили от всяких уплат. Шофер говорил о беззаконии, но Котомин объявил своим зычным голосом, что заседание закрыто, и все постепенно стали расходиться. А мне было так и неясно: какое же подлинное мнение всех сидевших в помещении людей о мере высказаний, о стиле разговора с людьми, стиле, установленном, видимо, председателем колхоза Перцевым и повторяемом его заместителем Котоминым.

БЫЛО неясно, почему никто не подумал о судьбе женщин, роившихся, выросших на эстетике, всю свою значительную жизнь, да в самые трудные годы, отдававших ей свои силы. Что скрывалось за этим бюрократическим молчанием? Беспокойство перед «всемогущей» силой председателя и бригадиров, злоупотребляющих доверенной им властью?

Я снова вспомнила ту отягченную семейную женщину, которая в пути жаловалась на несправедливость бригадира, а колхоз, где это происходит, отказалась назвать.

«Нам здесь жить, работать», — сказала она, оправдывая свое молчание.

Но ведь как раз потому и нужно протестовать против несправедливости, против нарушения демократических прав колхозников. Нужно внимательно, чутко относиться к людям, не подменять воспитательную работу администрированием, грубым окриком, применением крайних мер высказаний. Это тем более недопустимо, когда речь идет о людях, много лет честно проработавших в артельном хозяйстве.

В Середском районе немало сделано для поднятия экономики колхозов. И тем более досадно, что встречаются такие факты и события, которые произошли в артели «1-е Мая».

Середский район, Ярославская область.

Горький — почетный рабкор

Старожилы ленинградского завода «Красная заря», рассказывая о своей многолетней, обязательной памяти:

— А ведь ее почетным рабкором был Горький!

Действительно, первые шаги заводской многопартийки связаны с именем великого писателя. Когда в газете было решено создать литературный отдел, редколлегия обратилась к писателю Алексею Максимовичу Горькому, жившему в то время в Сорренто: «Уважаемый Алексей Максимович, — говорилось в этом письме. — Мы решили просить вас... дать для нашей газеты небольшое художественное произведение. Это связано бы живыми нитями тридцати рабочих нашего завода с любимыми их автором».

Алексей Максимович ответил следующим письмом:

«Редколлегия газеты «Красная Заря».

Дорогие товарищи!

В данное время я так перегружен работой, что лишен возможности удовлетворить Ваше желание. Но в марте буду более свободен и пришло Вам расказать историю. А в мае самолично приду к Вам в гости чай пить и мы чудесно пообщаемся. Самоворот — это у Вас!

Я потому спрашиваю о самовороте, что эмигрантская пресса утверждает, будто в Совете Союз рабочих ходят по тротуарам в шапках, а чашки чашки — одна на пятерых, да и та с обшивкой рукой, Ужас!

Сердечное спасибо за поздравление. Будьте здоровы! 5/11-28 г. Сорренто.

А. Пешков.

Писатель сдержал свое слово. Он прислал рассказ «На Крутой». Рассказ был опубликован в бесплатном приложении к газете, которая называлась А. М. Горького почетным рабкором «Красная заря».

Недавно на заседании редколлегии нашей газеты, обсуждавшей очередной номер, речь зашла о том огромном внимании к рабочему читателю, которым всегда так дорожил Алексей Максимович. Горький остался в памяти людей, как мудрый друг, человек огромной души. В эти дни в цехах и отделах проводятся доклады и лекции о жизни и творчестве великого писателя.

Горьковские традиции живы на заводе. В гостях у рабочих читатели часто бывают ленинградские писатели. Они рассказывают о своих творческих планах, знакомят рабочих с новыми произведениями.

П. ЗАЙЦЕВ, секретарь многопартийной газеты «Красная заря» ЛЕНИНГРАД

НОВЫЕ КНИГИ

- ПОЗИЦИЯ
- Антокольский П. Избранные сочинения. В 2-х томах. Т. 1. Гослитиздат. 327 стр. Цена 7 руб. 50 коп.
- Винкулов С. Золотые. Советский писатель. 142 стр. Цена 1 руб. 80 коп.
- Дамин М. Под незнакомым солнцем. Абакан. Хакасское книгоиздательство. 127 стр. Цена 1 руб. 50 коп.
- Корень В. От смерти к смерти. Стихи и поэмы. Киев. «Радисский» писемник. 151 стр. Цена 2 руб. 80 коп.
- Коваленко А. Новые эскизы. Рассказы в стихах. «Молодая гвардия». 62 стр. Цена 2 руб.
- Курбанов М. Лесные песни. Избранные лирика. Свердловское книжное издательство. 127 стр. Цена 3 руб. 90 коп.
- Миронов А. Разные годы. Воениздат. 248 стр. Цена 4 руб. 30 коп.
- Рыбачкин А. Письмо без марки. Хабаровское книжное издательство. 98 стр. Цена 2 руб. 25 коп.
- Спирин М. Сердце. Избранные стихи. «Советский писатель». 139 стр. Цена 2 руб. 40 коп.
- Челуров А. Молодость моя. «Советский писатель». 122 стр. Цена 1 руб. 70 коп.

Еще раз о литературной критике

1. На XX съезде Коммунисты ч е с к о й партии Советского Союза много говорилось о задачах нашего идеологического фронта, об оживлении работы наших историков, философов, экономистов, юристов и т. п. Есть над чем сейчас подумать и литературоведам и критикам.

Необходимо серьезное коллективное обсуждение актуальных, назревших вопросов, связанных с дальнейшим развитием советской литературы. Прежде всего надо определить место литературной критики в современном литературном процессе, определить соотношение эстетической теории и живой литературной практики.

За последние время часто лижут об отставании литературной критики и о мерах преодоления этого отставания. Между тем брасается в глаза ненормальное положение, в котором находится критика.

Критика должна занимать заметное и почетное место в наших «толстых» журналах, должна регулярно выходить книги критиков, монографии, сборники статей. Но кому же не известно, что в большинстве наших так называемых «толстых» журналов критика ютится за задворками и количество рецензий и статей, печатаемых в любом номере, можно пересчитать по пальцам? Стати сказать, большинство наших «толстых» журналов не имеют права называться этим именем, так как представляют собою довольно тонкие театральки объемом в двенадцать печатных листов.

Те, кому приходилось держать в руках некарабесский «Современник», педрические «Отчетные записки», горьковскую «Летопись» и другие подлинно толстые журналы конца XIX и начала XX века,

хорошо знают, что любая книжка этих старых журналов по объему равна 3—4 книжкам современного «толстого» журнала. Естественно поэтому, что современные журналы захлебываются от наплывающего материала и не могут разгрузить больших отделов критики и библиографии.

Если вспомнить статьи Белинского, Чернышевского, Добролюбова, то надо помнить и то, что эти статьи были повольно велики по объему. Критики не «естественно» даже включать в свои статьи нужные для разбора пространные цитаты из разбросанных авторов. Над ними, очевидно, не писец замолоч меч — сделать свою статью обязательным объемом в один, полтора или два авторских листа, как это практикуется постоянно в нынешних «толстых» журналах, где статьи критика объемом в три-четыре авторских листа приводятся в узкой колонке.

Итак, для нормального развития критики необходимо достаточное место на страницах «толстых» журналов. Поскольку такого места критике не предоставляется, что же удивляться, если она постоянно числится в отставании.

Второе обстоятельство, вызывающее отставание критики, заключается в весьма прохладном отношении издательства к критическим монографиям или сборникам статей.

Ни один молодой поэт или прозаик (не говоря уже о зрелых) не испытывает столько трудностей при издании своей книги, как критик, — пусть стаж его литературной работы измеряется десятилетиями. Разве мало у нас фактов, когда серьезно работающие, способные, образованные критики, имеющие пятнадцатилетний стаж печатных выступлений, получают возможность издать первую книгу только на шестнадцатом, восемнадцатом или двадцатом году своей литературной деятельности? Примеры: книга П. Громова о Ю. Крылове, В. Костельника об А. Маларке, Б. Соловьева о современной поэзии и другие.

Чем объяснить исключительно медленное продвижение по инстанциям Гослитиздата рукописей критиков-литературоведов А. Хватова и А. Зыбиничева? Почему в течение многих месяцев эти авторы не могут получить вразумительного ответа от редакции Гослитиздата о возможности выпуска в свет их исследований о творчестве А. Малышкина и В. Бредая? К сожалению, это не единичные случаи.

Потому нет ничего удивительного, что в составе писательской организации все меньше становится молодых критиков, а люди, способные заниматься критической деятельностью, очевидно, переквалифицируются, становятся преподавателями, лекторами, издательскими работниками и т. п.

Характерно и то, что в руководящих органах писательских организаций, как всеобщих, так и местных, слабо представлены активно работающие критики. Тем самым негласно признается, что критика не такое уж важное дело.

Недостаток места в журналах, может быть, возмещается наличием газетных подотделов критики, в многочисленных наших газетах? Но, увы, и здесь положение далеко не радужное. Газеты обычно печатают небольшие рецензии, аннотации, информационную хроника и, конечно, в силу газетной специфики не могут помещать на своих страницах больших и разветвленных статей, исследований, монографий. Вдобавок газетные аннотации и «пересказывающие» рецензии пишутся часто не критиками, а постоянными сотрудниками газет, журналистами, которые и не стремятся к литературному анализу, а просто стараются информировать читателей о тематике выходящих новинок.

Какой год уже числится на бумаге комиссия по теории литературы и критике Союза писателей СССР. Сия комиссия должна была бы координировать и направлять работу многочисленных критиков всего Советского Союза, должна была бы способствовать оживлению их работы, ставить актуальные вопросы литературной жизни. Но, числясь только на бумаге, она является мертворожденной. Даже члены этой комиссии толком не знают, что с ними происходит и не ликвидированы ли они под шумок многочисленных заседаний секретариата Союза писателей СССР.

Все эти обстоятельства, взятые вместе, свидетельствуют о большой раздробленности, кустарности и неорганизованности в работе критиков. Когда и как удастся критику проникнуть на немногочисленные страницы журналов, где отделе критики ютится на «задворках», когда и как удастся ему на пятнадцатом или восемнадцатом году литературной деятельности выпустить свою первую книгу, — все это дело личной удачливости того или иного критика.

Нужно прямо и резко заявить, что пока не изменится все это издательское отставание нашей литературной критики. А ведь такие меры, как регулярное ведение отделов критики в журналах, благоприятное отношение к рукописям критиков в издательствах, «воскрешение из мертвых» комиссии по критике, — все это в пределах компетенции и возможностей секретариата Союза писателей СССР. Нужно только приложить усилия тов. А. Суркову и другим секретарям правле-

Взволнованно и... бесстрастно

В деревушку Наратбаш, в отсталый колхоз, в весеннюю пору прислали лучшую тракторную бригаду МТС во главе с известным трактористом Айдаром Султановым. Для начала Айдар совершает рискованный «подвиг» — по уже непроходимому взлущенному льду переправляет через реку тяжелые дизельные тракторы. За героем все ухаживают, в него влюбляются девушки — Тазкире Султанова, колхозный бригадир, и Халида Зарипова, избач, «блестящая», живущая голованкой в родной деревне. Свояком Тазкире увлекается Айдар сложной и смелой задачей: нарватбашские бурги, с которых почти весь колхоз сполз в низины, надо вспахать совсем мелко на вершинах и все глубже и глубже к низу. Нужна, как говорят в МТС, «ажурная работа». Директор МТС, узнав об этой затее, грозит снять Айдара с работы и судить за нарушение агротехники и инструкций; впрочем, он согласен подождать результатов — урожая. Совместная борьба и работа сближают Айдара и Тазкире. Готовится свадьба. Колхозники любят молодую парочку; Айдар они хотят выбрать председателем колхоза. Но Халида, которая со всевозможными ловушками и ухищрениями предприняла настоящую охоту на Айдара, уязвлен его слабостью. Она забеременела. И все изменяется: Тазкире оскорблена, колхозники с презрением отворачиваются от Айдара, его родители требуют — женись на Халиде! И нет ему оправдания даже перед судом совести. Тихоно сопротивляется Айдар — он становится, наконец, мужем дочкой и несомненной Халиды.

Звучит разговор влюбленной Тазкире с Айдаром: «Чувство страстной любви прорывалось у Тазкире внезапно и иной раз в неподходящий момент. Однажды она забежала в бригаду и, отыскав Айдара среди машин, поставленных на профилактику, прижалась к нему прямо при Никифорове. — Слушай, а если бы весной тебя послали в другую колхоз, а не в «Прожектор»? Ведь мы бы и не встретились? — Что ты, чужака! Это же судьба. Ну, был бы какой-нибудь другой случай нам встретиться. — Нет, я боюсь этих случаев. Я даже боюсь, когда ты купался — в Зае такие вештучки омуты! — Не бойся! — и он поглядел ее по голове, как маленькую. Никифоров вежливо скрылся, чтобы не мешать этому объяснению. Набегавшему, как неожиданное облачко в летнюю жару. — Ты за этим и пришла? Смешная! — Нет, нет, мне что-то стало тревожно...»

ство, хорошо показанное Сергеем Антоновым в рассказе «Тета Душа», — страстная точка по семье, детям, своему дому. Стоило немного усилить эти черты в характере Халиды (они автором уже намечены, но не решительно), как драматизм положения необычайно возрос бы и достоверность повествования усилилась бы. Сейчас Халида несколько окантинатурна, и настоящее принижение в ее психологию есть, пожалуй, лишь в тридцать поровой главе, где она говорит Айдару о том, что у них будет ребенок, и Айдар оскорбляет ее, сказав: «Да и не я первый был...». Халида отшатнулась, как от пощечины. И вдруг повернувшись, побежала от него прочь. Она честно искала защиты у того, кого полюбила, кто стал ей близок. Теперь она бежала искать защиты от него у людей. Выбросила на грудь Гильменцисы и выплакала ей все свое горе».

Такова фабула. До «греблошания» Айдар ходит по станицам повести эдаким сподвижником под образцом производственным героем. Мало того, все борясь за подъем нарватбашского колхоза обогрета и упоена до полной потери правдоподобия. Непонятно, почему отстает колхоз. Люди в Наратбаше трудолюбивые, председатели есть и стар, и честен и усерден.

Почему же писатель, талантливый на одних страницах, на соседних — выцветает? Последнее время мы много говорим о знании жизни — и говорим иной раз так, будто сами не живем. Но вот случай — на одной странице автор знает жизнь, на другой он не знает и рисует схематично! Этот случай показывает, насколько необходима горячая заинтересованность писателя тем, что он хочет поведать миру, внутренняя его взволнованность. Настоящее произведение реалистического искусства — это всегда взволнованное исследование жизни, это открытие нового, обогащение человеческого опыта и знания.

Айдар с момента своего «греблошания» изображен хорошо: живым, растерявшимся, страдающим; он не хочет быть подделкой по отношению к ребяку и Халиде, ни, тем более, по отношению к любимой им Тазкире. И вместе с тем понимает, что это — неизбежно, что подлость уже совершена. Это — самый напряженный момент в повести. И вот когда Айдар горько кается в своей легкомысленной имене, когда он стремится к откровенному разговору с Тазкире, автор так и не дает им встретиться наедине, возмущает на каждом шагу механические препятствия, в том числе и не очень правдоподобные. Думается, что Фатых Хусни напрасно убоился этой встречи, а значит, и углубления в психологию основных своих героев. Преставим, что они встретились бы. Какая буря чувств вспыхнула бы в груди гордой и оскорбленной девушки, уже полюбившей, уже мечтавшей! Отказаться от солнечного мира мечты? Довериться обманщику? Решиться создать семью с человеком ненадежным? Всякое решение для нее трудно, ответственно, отравлено горечью. А он, Айдар? Он привык быть героем, привык в восхищении, он самолюбив и горд, а тут вынужден соизнаться в поступке, который, он знает, в ее глазах непростительно и необъяснимо грезен. Он вынужден просить прощения, но даже виноватый, он по своему характеру будет нетерпелив и уверен, что Тазкире должна его простить.

Время действия в повести не определено, и лишь по кое-каким признакам (например, упоминается райсельхозпункт) догадываемся, что события происходят до решений пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Однако о самых острых вопросах колхозной жизни, о том, что тогда скрывало инициативу и мешало проявлению творческих сил народа, сказано мимоходом, скороговоркой.

Между прочим, в рассуждениях о знании жизни мы иной раз доходим до курьезов. И Рабукляч на страницах «Дружбы Народов» рассказывает об одном редакторе Госиздата, который, переиздавая «Болотничьянка», самовольно исправил текст, отчего получилось, что колхозная корова-рекордистка погибла не при четвертых родах, как было у Рабукляча, а при первом! Так распором редакторского пера была создана неведомая биологическая тетка. Однако беда здесь, конечно, не только в том, что редактор не знает колхозной жизни, не там, где ее увидел И. Рабукляч. Беда — в редакторском производе, в непростительном самоуправстве.

Менше всего я хочу чтобы называлась Фатыху Хусни, я просто пытаюсь представить себе эту встречу и думаю, что как раз она и могла бы показать во всей сложности, во всей их силе характеры двух наших современников. Мне кажется, не стоило автору пренебрегать возможностью такого яркого столкновения характеров, тем более, что вся логика событий требует этой встречи: в конце концов именно в ней — кульминация повествования о «любви под звездами» и ее крушение. Важно только не зачеркнуть поспешным приращением Айдара и Тазкире, которое было бы не в характере гордой девушки и означало бы ее капитуляцию, отказ от своей гордыни и типичной в наши дни высокой требовательности. Нет, Тазкире не может примириться с поступком Айдара, она осуждает его, как осуждают в общем и все в Наратбаше.

Во всем видно, что Фатых Хусни, как художник, не возмолвил производственным делам колхозной деревни. Из-за авторского безразличия даже фигура заволашеющего сельхозтоделом бюрократа Ялышева делается такой глумливой и неуважительной, что читатель испытывает сильное желание закрыть книгу.

В случае с Фатыхом Хусни мы видим обратный пример — пример, когда редакция и переводчик И. Богданов помогли автору исправить и улучшить повесть, отчего и появилось в журнале примечание: «Улучшились в новой авторской редакции». Однако Фатых Хусни, видимо, был когда-то прежде «трамплирован» плохими редакторами, издателями, критиками и сам себя обязал написать о том, что его не волнует и чего он поэтому не знает. И тем самым согрешил перед искусством, читателем и самим собой. Поэтому-то органической, неразрывной связи между любовью Айдара — Тазкире — Халиды и разоблачением Ялышева в повести нет. Думается, что ряд бледных «производственных» сцен, в том числе заседание совета МТС и приезд Ялышева в тракторную бригаду, можно было бы с пользой для повести выкинуть.

Хорошими стихами кончается повесть: «И вспоминается ему прошлая весна. И дождь, и выхлоп джоржа, и страшный влорившийся лед, через который не проехать... И все-таки они пробились! С перелетными птицами с новой силой вернулись к нему прежние чувства. И хочется ему заново пережить то, что было, не повторять прежних ошибок».

Короче говоря, в повести Фатыха Хусни нет реального колхоза и реальной МТС, нет живой общественной и хозяйственной жизни деревни.

Недавно были опровергнуты неправильные утверждения о якобы исчерпанности старого классического реализма, расцветшего в XIX веке. Ведь и в наши дни многие зарубежные писатели в борьбе против декадентства опираются на традиции этого реализма и создают значительные художественные ценности. Картина современного состояния мировой литературы чрезвычайно сложна и пестра. В ней надо разбираться. Различно, очевидно, и представление о художественной образности литературных произведений у разных авторов, у разных народов за рубежом. Да и в пределах советской литературы о художественности, образности по-разному толкуют различные писатели.

Скажу еще раз: Фатых Хусни написал талантливую и своеобразную повесть. Но, как говорил великий русский педагог-живописец Чистяков, ему «не хватило правды на большое полотно».

По все мгновенно меняется и оживает, когда Фатых Хусни начинает писать бытовые и любовные сцены: тут возникает и темперамент, и наблюдательность, и засквозный юмор, и яркий талант.

Недавно были опровергнуты неправильные утверждения о якобы исчерпанности старого классического реализма, расцветшего в XIX веке. Ведь и в наши дни многие зарубежные писатели в борьбе против декадентства опираются на традиции этого реализма и создают значительные художественные ценности. Картина современного состояния мировой литературы чрезвычайно сложна и пестра. В ней надо разбираться. Различно, очевидно, и представление о художественной образности литературных произведений у разных авторов, у разных народов за рубежом. Да и в пределах советской литературы о художественности, образности по-разному толкуют различные писатели.

Скажу еще раз: Фатых Хусни написал талантливую и своеобразную повесть. Но, как говорил великий русский педагог-живописец Чистяков, ему «не хватило правды на большое полотно».

По все мгновенно меняется и оживает, когда Фатых Хусни начинает писать бытовые и любовные сцены: тут возникает и темперамент, и наблюдательность, и засквозный юмор, и яркий талант.

Недавно были опровергнуты неправильные утверждения о якобы исчерпанности старого классического реализма, расцветшего в XIX веке. Ведь и в наши дни многие зарубежные писатели в борьбе против декадентства опираются на традиции этого реализма и создают значительные художественные ценности. Картина современного состояния мировой литературы чрезвычайно сложна и пестра. В ней надо разбираться. Различно, очевидно, и представление о художественной образности литературных произведений у разных авторов, у разных народов за рубежом. Да и в пределах советской литературы о художественности, образности по-разному толкуют различные писатели.

Скажу еще раз: Фатых Хусни написал талантливую и своеобразную повесть. Но, как говорил великий русский педагог-живописец Чистяков, ему «не хватило правды на большое полотно».

По все мгновенно меняется и оживает, когда Фатых Хусни начинает писать бытовые и любовные сцены: тут возникает и темперамент, и наблюдательность, и засквозный юмор, и яркий талант.

Недавно были опровергнуты неправильные утверждения о якобы исчерпанности старого классического реализма, расцветшего в XIX веке. Ведь и в наши дни многие зарубежные писатели в борьбе против декадентства опираются на традиции этого реализма и создают значительные художественные ценности. Картина современного состояния мировой литературы чрезвычайно сложна и пестра. В ней надо разбираться. Различно, очевидно, и представление о художественной образности литературных произведений у разных авторов, у разных народов за рубежом. Да и в пределах советской литературы о художественности, образности по-разному толкуют различные писатели.

Скажу еще раз: Фатых Хусни написал талантливую и своеобразную повесть. Но, как говорил великий русский педагог-живописец Чистяков, ему «не хватило правды на большое полотно».

По все мгновенно меняется и оживает, когда Фатых Хусни начинает писать бытовые и любовные сцены: тут возникает и темперамент, и наблюдательность, и засквозный юмор, и яркий талант.

Недавно были опровергнуты неправильные утверждения о якобы исчерпанности старого классического реализма, расцветшего в XIX веке. Ведь и в наши дни многие зарубежные писатели в борьбе против декадентства опираются на традиции этого реализма и создают значительные художественные ценности. Картина современного состояния мировой литературы чрезвычайно сложна и пестра. В ней надо разбираться. Различно, очевидно, и представление о художественной образности литературных произведений у разных авторов, у разных народов за рубежом. Да и в пределах советской литературы о художественности, образности по-разному толкуют различные писатели.

Скажу еще раз: Фатых Хусни написал талантливую и своеобразную повесть. Но, как говорил великий русский педагог-живописец Чистяков, ему «не хватило правды на большое полотно».

ГРАВЮРЫ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ШЕКСПИРА

— Над чем вы работаете в последнее время? — таким вопросом наш корреспондент обратился к художнику А. Гончарову.

— Сейчас я с огромным увлечением работаю над иллюстрациями к произведениям Шекспира. Как известно, издательство «Искусство» готовит к выпуску, начиная с будущего года, многолетнее собрание сочинений великого драматурга. Это собрание решено сопроводить репродукциями с лучших английских, французских и русских картин и иллюстраций, относящихся к произведениям Шекспира. Моя задача, как оформителя всего издания, заключается в том, чтобы как-то объединить все эти воспроизведения работ художников различных стран, эпох и направлений. Я решил, что лучше всего это можно сделать с помощью своего рода графической рамки, в которую будет заключен каждый том. Для этого я готовлю серию иллюстраций и эскизов. Первые будут помещаться на шмуцтитулах перед каждой повестью, вторые — открывать каждый акт.

На снимке: гравюры А. Гончарова к пьесам Шекспира «Два веронца» и «Генрих IV».

НОВЫЕ ДАЛИ

СПОРЫ и рассуждения об «отставании» лирики, о том, почему читатели не читают стихов, а книжные магазины закупают поэтические сборники, стали привычными в литературном обиходе.

З. КЕДРИНА

Уже не первый год ищутся и проныриваются рецепты: больше писать о любви, меньше о работе; меньше «личного» — больше «общего»; идти за Маяковским, нет, следовать за Твардовским...

Поскольку «эзесники», отличающей Файфур от фаяса, истинную поэзию от ремесленного стихосложения, занимают множество людей: одни, выливая конкретную «продукцию» с «эзесничкой», как это сделал Н. Соколовский, рекомендуют в «Литературной газете» стихи молодой поэтессы И. Астафьевой; другие, пытаясь найти теоретическое определение поэтичности, как В. Глиев в своем докладе о поэзии для детей, сделанном в Доме детской книги.

При всей плодотворности отдельных находок в этой области они по большей части не идут далее определения частных примет лирики. В значительной мере частный характер этих находок объясняется тем обстоятельством, что в большой массе выходящих в свет стихов у нас за последние годы действительно становилось все меньше настоящего фарфора. Поэтому поэмы Твардовского «За далью — даль» не могут, как мне кажется, не привлечь внимания критика, интересующегося вопросами лирической поэзии. Она, эта поэма, представляет тем больший интерес, что самый процесс ее формирования происходит из глаз и читателя на протяжении ряда лет, отмеченных решающими историческими событиями.

Мне правда Партия велела Всегда во всем быть верным ей. С той правдой малого раздала Не поинесет моя строка. И мне свое исполнить надо, Чтоб вальс смотреть наперяк.

Гарантирует ли такая установка безобщечность? Нет. Поэт — тоже человек, он может понять тот или иной момент в жизни народа, «правду Партии» верно и верно. Но такое устремление определяет остроту зрения, открытость сердца для мыслей, дел и чувств народа. И это, безусловно, присуще Твардовскому, которого всегда волновало то, что волновало массы советского народа: быть или не быть колхозам («Страна Муравия»), быть или не быть нашему строю жизни («Василий Теркин»), быть или не быть человеку и человечности («Дом у дороги»). Кто скажет, что это не главное в нашей эпохе?

А Твардовский с первой же опубликованной им главы поэмы презюпреждал от поспешной критики его неоконченного труда:

Ты на меня не опочайся И суд свой править не спеши... Поверсими вскрывать причины С угрюмой важностью лица. Прочти хотя б до половины, Авось, прочтешь и до конца.

И в последней из ныне опубликованных глав («Молодожены») поэт снова торопливо, — как бы не помешали преждевременным судом, — обронил: «Критик, погоди...».

Да, не нужно вмешиваться в творческий процесс с той критикой, которая так часто, к сожалению, производит джоржий суд и выносит безаппеляционный приговор.

Нет нужды, однако, оттягивать тот разговор в связи с произведением А. Твардовского, который поможет усилить некоторые общие для нашей поэзии вопросы.

Ничего не отказываясь от требований идейной чистоты, нам нужно учиться полагать правду искусства во всем ее многообразии, зная, что правда она, по форме ее выражения в искусстве столько, сколько художнических индивидуальностей.

«За далью — даль» — произведение по широте и многообразию охвата народных интересов для Твардовского принципиально новое. Критика в свое время упрекала поэта за некоторую замкнутость его в кругу определенных образов и интересов одной определенной среды. Теперь, разнузав представление о себе, как о певце преимущественно крестьянства, он вынужден вальс, сердцем постигая всю обширность Родины во времени и пространстве. И тут, двигаясь на Восток в коммунальном быте битым набитого вагона, он открывает и новых людей, и новые глаза, но розные сердцу края родной земли. Медленно двигаясь во времени, поэт раскрывает в ярком, вышешенном образе, примечает с возмущением, а иной раз и просто называет то всеобщее в своей конкретности, исторически решающее, чем живет и жил последние годы весь советский народ.

То, что пишет в этих своих главах А. Твардовский, и то, как он это пишет, может нравиться и не нравиться, может вызвать у одних горячее одобрение, у других не менее горячее желание спорить, — мнения о его поэме могут быть разные, но в одном сойдутся все: «За далью — даль» никого не оставит равнодушным, ее найдут и прочтут с волнением.

Почему же это? Там много лирики и мало труда? Нет, любовь и труд в ней неразделимы. Там больше общего, чем личного? Нет, в этой поэме личное невозможно отличить и вылезать из общего, а общее — оторвать от кропи личного. Там борьба за мир во всем мире — личное дело поэта и любовь двух скромных молодых людей — радость и гордость нашего времени и народа.

«Молодожены», «Два веронца» и «Генрих IV», здесь есть и, казалось бы, противоречащие друг другу сердца горестные заметы.

Однако противоречия поэмы, по большей части — противоречия бытовых деталей и событий, одновременно подтверждающие единство характера лирического героя, отличительная черта которого — неопределенность в своей силе и остроте лирический отклик на переживание множества, да, когда наступит второй акт творчества, который всегда и неизбежно у любого поэта является актом критико-аналитическим (как да Твардовский будет отшпиливать все произведение в целом), два решающих положения двух глав поэмы, стоящих почти что рядом, должны будут столкнуться и в борьбе найти единство обобщения. Поэт, который в 1954 году полное душевное оправдание его «крутой и востанной правоты», в 1956 году, встретившись с невинно пострадавшим другом, поведает не только о том, что друг этот в годы вынужденной разлуки был живой частью его сердца, но и что по это время лирический герой был неразлучен с одной душой необходимой о несправедливости страдания, причиненных товарищу, о его славной преданности стране и народу:

Достаточно ли этого одного, чтобы поэма была глубоко лирична, волновала всех? Да, это уже очень много, но этого еще не достаточно. Для несобойной нужности стиха он должен отвечать чему-то главному в интересах народа, в историческом содержании эпохи, и это главное должно пройти через открытое сердце художника и, обогащаясь горючей кровью его творческой индивидуальности, предстать перед читателем как правда жизни, воплощенная в реалистический образ, то есть как правда искусства. А. М. Горький назвал писателя «чувствительным» своего класса. Вот это определение «чувствительности» как нельзя более точно характеризует природу лирика. Способность быть чувствительным своего времени и народа и есть, вероятно, та «эзесничка», которая отличает поэтический фарфор от фаяса: способность выбирать нужное всем и возвращать преобразованной душой одного. И чем шире диапазон «чувствительности» поэта, чем больше и больше оно вибрирует и чем индивидуальнее ярче окрашивается, тем шире и круг тех людей, которых волнуют образы его искусства.

В самом деле: Малюцкий и Твардовский — по поэтической своей индивидуальности как будто бы антиподы: пламенный трибунал-главарь и задушевные собеседник, ораторский «рубашенный» стих и мягкий, музыкальный. Но «чувствительность» этих двух поэтов, умение выбрать и отдать главное в народном интересе у них общее.

Стольким они в жизни, — возможно, и спорили бы тем более остро, чем различные их способы поэтической отдачи, но делали

«Молодожены», «Два веронца» и «Генрих IV», здесь есть и, казалось бы, противоречащие друг другу сердца горестные заметы.

Однако противоречия поэмы, по большей части — противоречия бытовых деталей и событий, одновременно подтверждающие единство характера лирического героя, отличительная черта которого — неопределенность в своей силе и остроте лирический отклик на переживание множества, да, когда наступит второй акт творчества, который всегда и неизбежно у любого поэта является актом критико-аналитическим (как да Твардовский будет отшпиливать все произведение в целом), два решающих положения двух глав поэмы, стоящих почти что рядом, должны будут столкнуться и в борьбе найти единство обобщения. Поэт, который в 1954 году полное душевное оправдание его «крутой и востанной правоты», в 1956 году, встретившись с невинно пострадавшим другом, поведает не только о том, что друг этот в годы вынужденной разлуки был живой частью его сердца, но и что по это время лирический герой был неразлучен с одной душой необходимой о несправедливости страдания, причиненных товарищу, о его славной преданности стране и народу:

«За далью — даль» — без главы о встрече с другом — лирико и художественно одна вещь, а с этой главой — уже совершенно другая. Без главы о «Молодоженях», написанной в «Правде», это — поэма, чуждая к человеческой беде, негряния и душевная, вызволилаво омысливающая пройденные пути, но не пролившая далеко вперед дороги народной жизни и подвига народного. Но вот появилась эта, новая глава, вышешенная и вышешешенная в горячем сердце художника, и не только прибавила к поэме новые лирические и значительные образы наших воних современников, но и осветила всю поэму вальс, раскрыв в ней новые богатства, которые ранее оставались незамеченными среди множества других, а теперь стали видны, как плодородные зерна большого замысла. То, что казалось острым и важным критиком первой главы (вроде сатирического намека на панфиловский роман, который усматривался в разговоре с читателем), оказалось третьестепенным, а то, что казалось условным фоном, едва ли не приемом — подробное и душевное описание «коммунального» быта в вагоне дальнего следования, — стало образом нашей жизни, в которой противоречиво соседствует великое с малым, чудесное с обыденным, узко личное — со всеобщим, но все вместе — неотвратно и стремительно движется к далекой, но реальной цели всемирного всенародного счастья. Это большое и ясное обобщение неуклонного хода истории, направления народной жизни исходит из всего образного строя поэмы.

Неротливая под перстек колес беседа с читателем о том, о сем не блещет народными эффектами, но глубоко поэтична своей душевной простотой и, в лучших традициях, афористической точностью стиха, соответствием простоты и строгой формы своему большому и важному содержанию. Таков, например, образ Москвы в главе «Молодожены». Так же как в образе скромной юной пары, по велению совести добровольно слушая на Восток, воплощается величие дел и характера советского народа, так и в образе Москвы воплощен идеал эпохи. Этот образ здесь всеобъемлющий и многогранный. Для многих восте и для каждого по-своему она

Москва — мечта, Москва — задача, Москва — награда за труды.

Отношением к Москве определяется общественный характер человека. Вот одна группа людей — «средних», благообразных жителей:

Да, да. Не всем в аспирантуру. — Нет, нужно в жизнь пойти сперва. Но ваять Калинин, любя Тулу: И жизнь, и в трех часах — Москва. Это обыватель начинающий, а вот уже зрелый, опытный:

Беда, что все до меду падки, — Себе не враг никто живой: Тот строит город на Камчатке, А лачу лепит под Москвою. Тот речкой верностью Сибирь Уже повсюду знаменит. А там, в столице, на квартире Жена за сторожа сидит.

Этим персонажам противопоставлены многоиспытанные люди молодого строя, кто ягиче сердцем ознобал, что сколь ни желанна Москва,

И хоть бы втрое растянулась, Так не мститься всем в одну... Но не твою ли время, юность, Нести ее на всю страну? В лес и степи до предела Идти со свяною от нес... То не твою ли ныне дело, Друг верный, молодость?

И молодость, но колеблется, отвечает: «Молод», Это мое же, здоровье самого Молодого в мире общественного строя. — Где мы с тобой, там и Москва, — говорит она. И се, эту юность, с бережной любовью проповедает Москва, «что дана расказала своей стальной колеей». Москва, воплощенная в содружестве дорожного полклетвца случайных спутников, та самая Москва, которая на оставовке, где сходить чем расстаться, учтиво поведает, прежде чем заблестит поесобит сойти с пожитками и ляжетрит им влед глазами

...Минувшей юности своей. Глазами памяти суровой И светлой — тех ушедших лет, Когда по зову жизни новой Мы брали дальний свой билет.

Так реальные обывательные люди и их повседневные дела превращаются в сердце художника в высокий поэтический образ эпохи.

И, глядя на жизнь своих современников, свою собственную жизнь сквозь большое сердце поэта, мы ясно видим, что Поэма, красная земля родная Людям надежных душ и рук.

И учнее сердцем тому, что Все та же, та же, да иная И даль, и жизнь, и все вокруг...

В этой способности учить сердцем и заключается секрет истинного лиризма, та самая волшебная «эзесничка», которая делает стихи поэзией.

ПОМОЩЬ ИЛИ ГОНКА ВООРУЖЕНИИ?

— Пожалуй, этому телехранителю стоило бы отойти на задний план? Карикатура художника Герблока из газеты «Вашингтон пост энд Таймс геральд»

...Перед кинокамерой с надписью «Азия» стоит рас-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Те же небольшие средства, которые ассигнуют на экономическую «помощь» и «техническое сотрудниче-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Италия принимает в своих отелях еже-... Помощь или Гонка вооружений? ...

труда было потрачено на то, чтобы вхо-... Помощь или Гонка вооружений? ...

ПЕСЧАНЫЙ ОСТРОВ... ТАК УРОЖАЙ

Песчаный остров... Так урожай... Семен БАБАЕВСКИЙ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

концы располагаются пешеход-... Помощь или Гонка вооружений? ...

кошелем на скрипучей деревянной ос-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Пшеницу подкармливают, и делается это... Помощь или Гонка вооружений? ...

Юг Китая — житница риса. На сот-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Урожай же пшеницы у китайских хле-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Об этом хочется сказать особо. Пусту-... Помощь или Гонка вооружений? ...

осуществлять свои планы Соеди-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Но откровенно ли это правдивое... Помощь или Гонка вооружений? ...

С опубликованием послания прези-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Подобные настроения не могли оста-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Все это происходит в то время, ко-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Пока дела обстоят таким образом, х-... Помощь или Гонка вооружений? ...

расходует на военные цели. Это же... Помощь или Гонка вооружений? ...

Программа нашего путешествия по Ю-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Взвешивая переломки Помпеи в возе м-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Нет слов, чудесные исторические памят-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Промоздкие и в то же время удивитель-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Взвесьте пути на почти что отсу-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Нельзя оторвать взор от этих сади-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Антиамериканские настроения в... Помощь или Гонка вооружений? ...

Залогом до этого путешествия мы... Помощь или Гонка вооружений? ...

В Риме мы увидели новые здания, по-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Нет слов, чудесные исторические памят-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Промоздкие и в то же время удивитель-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Взвесьте пути на почти что отсу-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Нельзя оторвать взор от этих сади-... Помощь или Гонка вооружений? ...

Антиамериканские настроения в... Помощь или Гонка вооружений? ...